

УДК 81.282.2

ДИАЛЕКТНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Н.Е. ВИРТЫ «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

© Т.И. Рейс

Аннотация. Определена функциональная значимость диалектной и просторечной лексики, которая употребляется в романе Н.Е. Вирты «Вечерний звон». Проанализированы словарные статьи различных лексикографических источников: «Словарь русских народных говоров», «Словарь современного русского народного говора» И.А. Оссовецкого, словари Т.Ф. Ефремовой, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, А.И. Ивановой. Привлечены материалы «Национального корпуса русского языка». Сделан вывод, что в романе диалектная лексика способствует созданию своеобразной атмосферы сельского быта, духа русской деревни, позволяет ярче раскрыть характеры персонажей.

Ключевые слова: диалектная лексика; этнографизмы; просторечная лексика; диалектизм; говор

Николай Евгеньевич Вирта (настоящая фамилия Карельский) – русский советский писатель. Он родился в селе Большая Лазовка (ныне Токаревского района Тамбовской области) в семье сельского священника. В раннем возрасте был пастухом, писарем сельсовета и одновременно учился в Тамбове. В 1923 году начал работать в газете «Тамбовская правда», где в литературном приложении были напечатаны его первые рассказы, посвященные главным образом деревенской жизни.

За свою жизнь Н.Е. Вирта написал немало книг о людях, живущих в различных точках нашей страны, но основное место занимают произведения, посвященные Тамбовщине.

Диалектизмы предоставляют писателю возможность правдиво изобразить действительность, полнее раскрыть характеры персонажей, указать характерные особенности места действия.

В языке «Вечернего звона» широко представлены лексические диалектизмы и этнографизмы, воссоздающие натуралистическую детализацию в описании крестьянского быта. Лексические диалектизмы – слова, известные только носителям диалекта и за его пределами не функционирующие. Например, в южнорусских говорах бытуют слова буряк (свекла), цибуля (лук), гуторить (говорить), дранки (дранники) – оладьи из картофеля или пшенной каши и др.

Например: «Тогда топили горницу и зажигали восковые свечи, приезжали окрестные попы, дьяконы, много ели, того больше пили – **сивуху** или брагу, иной раз мать ставила настойку» [1, с. 60].

«Другая половина разделялась на **клетушки, боковушки** и спальни для женатых сыновей и внуков» [1, с. 34].

По данным «Национального корпуса русского языка»¹ около 80 писателей употребляют в своих произведениях слово «клетушки» (Е.И. Замятин, Ф.М. Достоевский, Ю.Н. Тынянов и др.). В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) толкование слова «клетушка» дается в десяти значениях:

- 1) летняя комнатка (вят.);
- 2) летняя спальня (вят.);
- 3) кладовая, кладовка (яросл.);
- 4) сарай (ряз.);
- 5) амбар, амбарчик (смол.);
- 6) погреб (тобол.);
- 7) свиной хлев (иван.);
- 8) клетка дров по краям поленницы (вят.);
- 9) решеточка (твер.);
- 10) клетчатая понева (волог.) [2].

Н. Вирта использует в романе это слово в первом и втором значениях. Большинство писателей в своих произведениях употребляют слово «клетушка» в значении «летняя комнатка», «летняя спальня» и «кладовая».

Около 20 раз можно увидеть слово «боковушки» в произведениях М.А. Шолохова, В.Я. Шишкова, Д.С. Мережковского и других в разных значениях. В СРНГ это слово определяется как:

- 1) небольшая боковая комната деревенского дома (петрозав.);
- 2) боковая пристройка к избе, сараю, амбару и т. п. (вят.);
- 3) кладовая (пск.);
- 4) «чугунная печь на четырех ножках, устанавливаемая сбоку печной печи, с отводом дыма через эту последнюю – для обогрева жилой комнаты зимой (типичное бытовое явление для жилищ золотоустовских рабочих)» (златоуст., челяб.);
- 5) то же, что боковуша (в 1-м знач.) (перм.);
- 6) «лежанка, камин» (перм.).

Автор в романе использует это слово в первом значении. Большинство писателей в своих произведениях употребляют слово «боковушка»

¹ Национальный корпус русского языка. 2003–2019. URL: <http://www.rus-sorpoga.ru> (дата обращения: 22.01.2019).

в первом и втором значениях: «небольшая боковая комната деревенского дома», «боковая пристройка к избе, сараю, амбару».

В словаре смоленских говоров под редакцией А.И. Ивановой слово «клетушка» трактуется как «маленькое тесное помещение», а «боковушка» в словаре имеет два значения:

- 1) пристроенная к одной стороне (боку) дома летняя комната;
- 2) душник (в СРНГ «душник»):
 - небольшое отверстие справа от чела в сушильной печи, куда вставляется горящая лучина для освещения печи. (пек.);
 - форточка. В. Даль [без указ. места] (сев.-двин.);
 - самоварная труба (холмог. арх.) [3].

Или вот такой пример:

«Восемнадцать квадратных аршин, ограниченных серыми, вымазанными известкой стенами, печь, занимавшая добрую четверть помещения, земляной пол, три крохотных оконца, стол, лавки вдоль стен, **поставец** для посуды – такова была внутренность жилища, где обитали шесть душ» [1, с. 45].

«Приходил конец и **пушному** хлебушку» [1, с. 49].

Проанализировав лексический диалектизм «поставец» по «Национальному корпусу русского языка», удалось выяснить, что слово употребляется 50 авторами (Д.И. Фонвизин, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др.). В СРНГ слово «поставец» дается в шести значениях:

- 1) кухонный стол для посуды (В. Даль: «Закрытый (иногда открытый) ящик, устанавливаемый перед печкой для кухонной посуды» (калуж.), мешок (калуж., ворон.), козел (калуж.), полка для посуды (дон.);
- 2) кувшин, жбан для кваса (пск.);
- 3) блюдо, охан. (перм.), горшок для приготовления особой питии (смол.), большая деревянная чашка «точеная из липы или березы» (оренб.);
- 4) пара мельничных жерновов, постав (дон.);
- 5) подол женской рубашки (брян.);
- 6) начальник (ставроп.).

Д.И. Фонвизин, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк в произведениях употребляют слово «поставец» в значении «кухонный стол для посуды», «полка для посуды». В тексте романа Н. Вирты нет точного указания на то, что представляет собой «поставец», но из представленных в словаре значений наиболее вероятным является «полка для посуды» (но не «стол для посуды»), так как в авторском тексте описания «внутренности жилища» стол уже имеется. Возможно, «поставец» – это «невысокий шкаф для посуды». Именно это значение указано в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [4].

Словосочетание «пушной хлеб» по данным «Национального корпуса русского языка» употребляется двумя авторами (Б. Миронов, А.Н. Энгельгардт).

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «пушной» употребляется в значении: «о звере, имеющем ценный мех». В СРНГ слово «пушной» дается в десяти значениях:

- 1) с мягкой густой шерстью (об овцах) (мурман.);
- 2) пушной двор, скотный, холм (пск.);
- 3) сделанный из пуха, с пухом, пуховый (арх.);
- 4) пушистый, с мягким пышным ворсом (о шерсти) (арх.);
- 5) дорога с рыхлым, мягким снегом (яросл.);
- 6) мягкий, уступающий легкому давлению, мох белый (арх.);
- 7) рыхлый, мягкий (о почве) (арх.);
- 8) пышный, мягкий (о хлебе) (арх.);
- 9) испеченный с мякиной (о хлебе) (смол.);
- 10) с пышными сборками (моск.).

Б. Миронов и А.Н. Энгельгардт в произведениях употребляют прилагательное «пушной» в восьмом и девятом значениях: «пышный, мягкий», «испеченный с мякиной». Автор использует в романе это слово в девятом значении. Именно на первых страницах романа мы видим, что земли в деревне Дворики были неплодородны, пшеничного хлеба почти не было («бейся над ними, не бейся – никакого толку! С голоду, может, не помрешь, но и вдоволь сыт никогда не будешь [1, с. 20]») и поэтому жителям оставалось печь хлеб мякинный, который включал в свой состав полову, отбросы, остающиеся при молотьебе.

Описанные нами диалектизмы Н. Вирта естественно вводит в контекст произведения, употребляя их в том значении, которое присуще этим словам именно в данной местности, которая относится к зоне южнорусских говоров. В других регионах эти слова могут иметь иное значение, о чем и свидетельствуют словарные статьи.

Некоторые местные слова и выражения автор вводит в текст с пояснениями, прибегая к своеобразному приему косвенного отчуждения. Например: «Марфа вставала рано. Она вздувала **гасник** – жестянку, наполненную маслом, с плавающим в нем фитилем» [1, с. 46].

В «Национальном корпусе русского языка» можно увидеть, что только А.А. Черкасов использует слово «гасник» в своем произведении «Урюм» в значении веревочки или шнурка для завязывания чего-либо.

В СРНГ значение этого слова дается в пяти значениях:

- 1) завязка где-нибудь: у брюк, у юбки (свердл., ленингр., амур., енис. и т. д.), пояс (перм.);
- 2) опушка брюк, штанов (заурал.);

- 3) веревочка для завязывания чего-либо (вят.);
- 4) керосиновая лампочка без стекла (ворон.);
- 5) лампа («первоначально коптилка, теперь (редко) – лампа вообще» (ворон.)).

Исходя из контекста романа «Вечерний звон», мы можем сделать вывод, что это не «керосиновая лампочка без стекла» и не «лампа», а «жестянка, наполненная маслом, с плавающим в нем фитилем.

Подобное значение мы обнаружили в «Словаре современного русского народного говора» под редакцией И.А. Оссовецкого [5], где это слово, но в ином фонетическом оформлении: «гашник», «гасница» или «гасничка», означает «продергивающийся плетеный шнурок примерно в два пальца, поддерживающий женскую одежду типа юбки или мужские штаны» и «коптилка».

Для общего представления персонажей романа автор использует диалектные словообразовательные модели. Вот примеры некоторых из них: «Выручи, Карла Карлыч, вовсе **обесхлебел**. Мешочек бы, милый человек!» [1, с. 49].

«**Многодумствовать** нам не положено. Пойдем к нам, на народе-то не так скучно» [1, с. 74].

По данным «Национального корпуса русского языка», слово «обесхлебел» употребляется только один раз в произведении М.С. Шагиняна «Перемена». В СРНГ «обесхлебел» трактуется, как «лишиться хлеба, пропитания или урожая, испытывать нужду».

Слово «многодумствовать» в произведении означает «много думать о чем-то». В «Национальном корпусе русского языка» и в СРНГ, словарях С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой, И.А. Оссовецкого и А.И. Ивановой слово не зафиксировано.

В романе обращает на себя внимание необычное применение известных, общеупотребительных слов: «А то, слышь, **накади** ему ладаном до того, чтоб он весь исчихался. Ты-то привычен, а мужику и ладан в диковинку» [1, с. 74].

«А кто к начальству **добер?**» [1, с. 96].

«Национальный корпус русского языка» показывает, что слова «добер» и «накади» употребляются у 50 писателей (Е.И. Замятин, М. Горький, А.С. Серафимович, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.). В новом толково-образовательном словаре Т.Ф. Ефремовой [6] «накадить» – надымить, накурить (обычно ладаном). В СРНГ слово «накадить» трактуется как «надымить, начадить». А диалект «добер» образовался от слова «добрый» (добр). В СРНГ слово «добрый» трактуется в пяти значениях:

- 1) умный, дельный (самар.);
- 2) полезный (калуж.);

- 3) надлежащего роста (смол.);
- 4) добрый гриб (курск.);
- 5) в сочетаниях: добрая рубаха (самая лучшая праздничная рубаха (ворон.), доброе слово (слово согласия; согласие, даваемое родителями сватам при состоявшемся сватовстве (терек., кубан.)), доброе дело (сватанье, сватовство (петрозав.)), с доброго ума (по глупости (покр.)), в добры войти (войти в чье-либо расположение; в милость (арх.)); Добрая – название речки, не высыхающей летом (ржев., твер.)).

Но Н. Вирта использует это слово в значении «благожелательный, отзывчивый, готовый помочь людям» [6].

Следует отметить, что писатель воссоздает живую разговорную речь с присущей ей образностью, естественностью, экспрессией, при этом воспроизводя своеобразное мышление, мироощущение человека из народа. Следующие примеры тому доказательство: «Уже не простоватый, **медвежистый** добряк сидел перед ней» [1, с. 111].

«**Кузнечить?** Много ли дает это ремесло?» [1, с. 113].

«Национальный корпус русского языка» показывает, что диалектные слова «медвежистый» и «кузнечить» употребляются писателями редко, например, в произведениях В.Я. Шишкова. В СРНГ, словарях С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой, И.А. Оссовецкого и А.И. Ивановой эти слова не зафиксированы.

Фонетические, грамматические и лексические особенности местного говора ярко проявляются в народном фольклоре: поговорках пословицах, песнях. Приведем пример песни крестьянки Марфы:

Переманочка уточка
Переманила селезня
На своем озере плавати.
Но не я ж то его манила,
Сам ко мне селезень прилетал,
На меня, утицу, глядючи,
На мои тихие напевы,
На мои серые перушки,
На сизые крылушки...
Переспросочка Анисья
Переспросила Сидора
На свою улицу гуляти.
Нет, не я его просила,
Сам молодец ко мне пришел,
На меня, девицу, глядючи... [1, с. 47].

В песне можно заметить прежде всего фонетические особенности: крылУшки, перУшки; грамматические: глаголы плавати вместо плавать, глядючи вместо глядеть, гуляти вместо гулять и др.

В романе автор использует диалектизмы лексико-семантического типа – слова, обладающие в диалекте необычным значением: мост – пол в избе; губы – грибы всех разновидностей, кроме белых; кричать (кого-либо) – звать; сам – хозяин, муж.

Например: «Кто-то **ахнул** камнем в окно конторы» [1, с. 125].

Также речь персонажей романа характеризуется интенсивным употреблением разговорно-сниженной, просторечной лексики: «Теперь рассчитаюсь, не **мельтешишь!** – осаживал его Андрей Андреевич. – Мы-ста, хозяева, мы-ста в долгах не сиживали, не другим-ста чета» [1, с. 54].

«Если любишь, ничего тут зазорного нет. Но и о том подумай: пока с ней в **умственности** не сравниешься, не женись» [1, с. 133].

Глагол «мельтешиться» по новому толково-образовательному словарю Т.Ф. Ефремовой *означает «надоедливо мелькать перед глазами», слово* носит стилистически сниженный характер, но широко распространено в речи и, по данным «Национального корпуса русского языка», употребляется в произведениях Л. Зорина, Ю.П. Германа, Н.М. Амосова, А.А. Образцова и др.

Прилагательное «умственный» в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой означает: «относящийся к деятельности ума, сознания; мысленный», а существительное «умственность» носит стилистически сниженный характер и, по данным «Национального корпуса русского языка», употребляется в произведениях А.Н. Радищева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Платонова и др.

Диалектная и просторечная лексика в речи крестьян указывает на необразованность жителей деревни Дворики, но при этом Н. Вирта не высмеивает и не осуждает своих персонажей. Мы чувствуем любовь писателя к живой народной речи.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в речи персонажей романа «Вечерний звон» употребляются лексические, лексико-семантические, фонетические, морфологические диалектизмы и просторечная лексика; в речи рассказчика – лексические и этнографические. Авторская речь – литературная, Н. Вирта использует этнографические диалектизмы там, где без них нельзя обойтись.

В заключение можно сделать вывод о том, что в произведениях Н. Вирты диалектные слова вводятся для создания духа деревни, сельского быта, характеров и образов персонажей. В этом отражается неразрывная связь автора с героями – людьми его родного края, о судьбах которых он пишет.

Список литературы

1. *Вирта Н.Е.* Вечерний звон // Вирта Н.Е. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1.
2. Словарь русских народных говоров (СРНГ) / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Л.: Наука, 1965–2016.
3. Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск, 1980.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997–1999.
5. Словарь современного русского народного говора / под ред. И.А. Оссоветского. М.: Наука, 1969.
6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Русский язык, 2000.

Поступила в редакцию 27.02.2019 г.

Отрецензирована 20.03.2019 г.

Принята в печать 25.04.2019 г.

Информация об авторе:

Рейс Татьяна Игоревна – студентка факультета филологии и журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tanya.reys.98@mail.ru

DIALECT AND COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE NOVEL BY N.E. VIRTA “EVENING BELL”

Reys T.I., Student of Philology and Journalism Faculty. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: tanya.reys.98@mail.ru

Abstract. We define the functional significance of dialectal and colloquial vocabulary which is used in the novel N.E. Virta “Evening Bell”. We examine dictionary entries of various lexicographical sources: “Dictionary of Russian Folk Dialects”, I.A. Ossovetskiy’s “Dictionary of Modern Russian Folk Dialect”, dictionaries of T.F. Yefremova, S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova, A.I. Ivanova. We also involve materials of “Russian National Corpus”. We conclude that in the novel dialect vocabulary contributes to the creation of a peculiar atmosphere of rural life, the spirit of the Russian village, allows to better reveal the nature of characters.

Keywords: dialect vocabulary; ethnographisms; colloquial vocabulary; dialectism; patois

Received 27 February 2019

Reviewed 20 March 2019

Accepted for press 25 April 2019